

в воду третий комочек земли – встала поперек реки земляная плотина, перегородила реку. Стала вода подниматься.

Вернулся Кирей в лагерь и говорит князю Мечиславу:

– Сейчас прибудет вода – все смоем на своем пути, и Полкана с его войском. Надо нам немедленно подниматься и уходить прочь.

Велел князь будить воинов, сворачивать лагерь и скрытно от Полкана уходить прочь от берега. Собрались воины и отошли подальше от реки. А река вышла из берегов, ринулась на Полкановы войска и смыла их всех. Потонуло войско вместе с ханом в водах Межень-реки.

В третий раз возблагодарил Кирей родную землю и матушку свою за спасение. Вернулся он домой целым и невредимым.

Вот так: родная земля пуще кольчуг и щитов бережет. И нам беречь ее нужно, хранить от невзгод и защищать во веки веков.

2008

Наталья Налегач

ВЕРА ЛАВРИНА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Вера Леонидовна Лаврина (Правда) – сказочница, поэт, писатель, историк, автор художественных и научно-популярных книг для детей, с 2009 г. член Союза писателей России. В 1997 г. в журнале «Огни Кузбасса» вышла первая подборка стихов, в 2003 г. опубликован первый сборник сказок «Диковинки», за которым последуют и другие: «Пять сестер» (2015), «Пим-найденыш» (2020). Особняком стоят научно-популярные книги писательницы: «История Кузбасса в рассказах для детей от древних веков до нашего времени» (2004) и «История Сибири для детей» (2015), выдержавшие не одно переиздание. Вместе с С. М. Павловым В. Л. Лаврина выступила автором-составителем еще одной научно-популярной книги, важной в культуре региона, «Жизнеописания кузбасских святых» (2013). Новые стихи,

рассказы, повести, притчи, эссе, очерки, сказки писательницы регулярно публикуются в российских литературных журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Дружба народов» и др.

Характеризуя сказочный мир, созданный В. Лавриной, следует отметить синтез народно-поэтической и библейской традиций. Сюжеты, мотивы, композиция отсылают к народной сказке, а система ценностей четко соотнесена с христианской. Например, в сказке «Пим-наиде-ныш», давшей название целому сборнику, мы видим образ злой колдуньи Мавры, которая непобедима до поры до времени, но несправедливое поведение приводит ее к гибели в столкновении с живущим по правде царевичем Устином, которому помогают приемные родители-крестьяне да три сестры-угадчицы. И если приемные родители приютили младенца из чувства сострадания, демонстрируя христианское милосердие и смирение, продолжая тему самопожертвования его матери-царицы, то три сестры испытывают героя на близость к реальной жизни (Устин по их загадкам определяет, чем каждая из них занимается – вышивает, вяжет, зерно мелет), без которой нет мудрости, необходимой для управления государством, и помогают ему, потому что он, как и положено герою волшебной сказки, с испытанием справляется. В духе народной традиции венчается сказка не столько победой над антагонистом, сколько торжеством любви (младшую из сестер царевич замуж берет), благодарности (родителей приемных Устин в терем царский забирает) и мудрости («И стали они все вместе жить-поживать, царством мудро управлять»), которые складываются в своего рода формулу счастья, соединяющую авторскую позицию с русской народной традицией, коррелирующей с христианскими ценностями. Тот же синтез виден и в других произведениях, ориентированных на жанровый канон волшебной сказки, например: «Сажика», «Златокудрая Серафима», «Белорыбица» и др.

Не менее важную роль в сказках В. Лавриной играет притчевое начало, актуализирующее нравоучительное задание, но не явно, а индифферентно, что органично оправдано фольклорным присловьем, объ-

ясняющим исконный жанровый закон: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Так, в «Агашиных рукавичках», «Половичках из травы», «Пташечке Милашечке» и других сказках герои испытываются на доброту, бескорыстие, отзывчивость, прозорливость, умение сохранить себя. И по законам сказки выдержавшие испытание награждаются, как добрая Катенька или трудолюбивая Фросенька, а не прошедшие его – теряют главное, как это произошло, например, с Соловьем, утратившим голос из желания потакать капризам своей жены, променявшей нежность и любовь на материальное благополучие.

Таким образом, можно видеть, что сказочное чудо в произведениях писательницы становится следствием высоких нравственных качеств, которые открываются в поступках персонажей. Но бывает и так, что чудо происходит не по волшебству (заговоренная косынка угадчицы Людмилы, охраняющая от черной ворожбы Мавры царевича Устина, чудесное наказание Фефелы и одаривание Фроси Прекрасной Девой и т. п.), а становится следствием смекалки, трудолюбия и способности творчески подойти к решению любой задачи, как это можно видеть в «Квасном озере» или в «Как Головешка из печи выбралась». Так от сказки к сказке в галерее добрых героев создается нравственный идеал человека, который любовью, смирением, добротой, отзывчивостью, смекалкой, трудолюбием, созиданием способен преодолеть любые невзгоды и горести, обретя счастье и чудесно соединив небесное и земное.

Эта же потребность в чуде и способность к его обретению пронизывают и лирику автора. Большую часть своих стихотворений В. Лаврина опубликовала в 2006 году в сборнике из шести разделов с самым общим заглавием – «Стихи». Но это заглавие очень точно отражает авторский замысел: перед нами не книга стихов, скрепленная единым метасюжетом, а классическое собрание самоценных и самодостаточных стихотворений, в центре которого раскрытие души в целокупном образе лирического «я». Именно лирическая героиня, ее переживания, уникальность воплощения в мире и составляют основное содержание стихотворений автора.

Пожалуй, главное в лирической героине Веры Лавриной – способность любить, проистекающая из приятия мира и своего места в нем, что зачастую придает ее поэзии тональность благодарственной молитвы Богу за чудо жизни:

В эти летние дни
Нельзя не поверить
В совершенство Творенья.

Мотив чуда – один из ключевых в стихотворениях поэта. Проявления чуда таятся и открываются взгляду лирической героини во всем: во встрече влюбленных, в рождении детей, в пронзительной красоте природы, в способности, открывая глубины родовой памяти, прикасаться к опыту тех, кто жил прежде, воскрешать силой благодарного воспоминания любовь и теплоту сердец близких, в даре творчества. Из всего этого и складывается обретение смысла и полноты жизни, данные в переживании лирической героине:

На улицу, быстрее!
В обнимку с юным летом,
Залившим янтарем
Все просини, просветы,
Просветы меж ветвей,
И листьев, и травинок,
Играющих детей,
Порхающих косынок.
На улицу, быстрее!
Не медли ни мгновенья! –
Бегу! Лишь допишу
Свое стихотворенье.

Тем не менее этот поэтический мир не лишен драматизма. Основная лирическая коллизия рождается из столкновения приятия мира

таким, каков он есть, с чувством ответственности поэта перед Богом и Вечностью. Эта коллизия становится источником энергии становления и развития личности, не дает возможности скрыться за спинами других, так как, с точки зрения поэта:

Жизнь – это вызов
Для разговора
Поименного с Богом.

Именно такой взгляд «лицом к лицу» и делает столь значимым и ценным опыт прохождения через жизнь и историю каждой личности. Поэтому так уместна дневниковая манера в цикле «Хронограф». Этим обусловлено и внимание к моментам срыва голоса, бунта, когда лирическая героиня с удивлением обнаруживает, чтоприятие этой жизни – непростой духовный труд, что любовь не безмятежный подарок, что иногда невероятно сильно хочется остаться одной, оказаться вне предстояния Богу, Вечности и любимым:

Одеялом с головой укрыться,
Чтобы все от меня отстали,
Не прикасались ко мне,
На меня не глазели
И в комнату, где я лежу,
Не входили.
Чтоб не спрашивали:
«Что мы будем обедать?»
«И где лежат зеленые колготки?»
«И что такое есть орфограмма?»
И чтобы Он не вопрошал меня вечно:
«А что ты сделала для бессмертья?!»
Да ничего! Ничего я не сделала
Для бессмертья!

С бесстрашной честностью лирическая героиня способна признать себе в том, что может отпадать от долженствования, увидеть в себе следы несовершенства земного падшего мира, уязвленного раной греха, постигая тем самым глубинную сущность смирения, открывающего не только раны уязвленной совести, но и возможность спасения. Этой бесстрашной честностью пронизаны такие стихотворения, как «Моя душа, Господь...», «Возвращаюсь из храма...», «Всего лишь...», «Ты обнял меня...», «Не остыла слеза благодати...», «Все считала себя хорошей...», «Прячу от нищей глаза...», «Тяжкое снилось: вместо иконы...» и др.

И все же образ лирической героини в целом выписан более легкими и нежными тонами, раскрывающими глубинную женственность. Это раскрытие зачастую осуществляется посредством одного сдержанного жеста, мгновенного движения души, финального смещения аспекта восприятия, как, например, в стихотворении «Помню я и сейчас все свои детские платья...». Сентиментальное путешествие в детство посредством воспоминаний, не лишенных юмора и временами даже самоиронии, вдруг открывает чувства любви и благодарности, которые лежат в основе отношений родителей и детей, несущих в себе более высокий отсвет сакральности, предстающей не в холодно-небесной гамме, а в простой и понятной радости, расцветающей в душе человека эдемским отражением:

Мои детские платья, вы были просто одеждой,
Хоть и полной значенья для ребячьего лада,
Но теперь ваши ситцы, шелка и поплины нежно
Распускаются в памяти, как цветы библейского сада.

Поэтический мир Веры Лавриной не исчерпывается домом и книгами. Остро и пронзительно время от времени звучит в нем и социальная тема, особенно сильно обозначившаяся в стихотворениях 1990-х годов.

Это лучше, что так я живу –
Не стыдно смотреть в глаза
Тем, кто не покупает сыр.

Для поэтической манеры Веры Лавриной характерен лаконизм. Закономерно, что преобладающей формой становится трехстишие, в котором уловлено и запечатлено одно движение души, вызвавшее вспышку удивления чудом или, напротив, нелепицей происходящего. Благодаря тому что позиция автора в целом предстает четко оформленной и основанной на единой и непреходящей гуманистической системе ценностей, такая искристая фиксация мгновенных впечатлений создает своеобразное лирическое мерцание, не позволяющее художественному миру поэта застыть в некоем монументальном единообразии, обеспечивая динамику чувств и передачу духовного роста лирической героини. Эта же манера как нельзя лучше соотносится с классической, практически забытой и оттого еще более ценной культурой сдержанности, когда чувство не обрушивается на читателя во всей своей непроясненности, а оформлено высветляющей его мыслью, стремлением автора к осмысленности существования в бытии. Но при этом автор очень чуток к тому, чтобы в эмоции продолжала трепетать энергия душевного переживания, а рациональность сдерживалась сердечностью, отчего и рождается ощущение легкого лиризма. Сдержанная эмоциональность нарастает и в композиции сборника, находя выражение в движении от классических форм к трехстишиям и шестисловиям.

Следует отметить, что последний раздел сборника «Шестисловия» буквально состоит из дистихов по шесть слов в каждом, что способствует выражению смысловых сгустков. Интересно в них акцентирование визуально-живописного и аудиально-музыкального типов восприятий, дающих импульс лирическому отклику. Одним штрихом создается вспыхивающий образ, развитие которого уже в восприятии читателя прорастает отзвуками смыслов и чувств. В этой технике автор